

выступлення апошніх у ліпені 1918 г. у краіне быў, па сутнасці, выключаны любы намёк на шматпартыйнасць. Такім чынам, З. Х. Жылуновіч як чалавек высокай культуры, які прайшоў складаны шлях пошукаў свайго месца ў вострай палітычнай барацьбе, быў пастаўлены самой логікай часу перад выбарам: стаць на адну з дзвюх пазіцый у гэтай барацьбе, таму што трэцяй не было. Фармальна застаючыся членам левага крыла БСГ, у кастрычніку 1918 г. ён уступае ў РКП(б)⁹.

Безумоўна, З. Х. Жылуновіч дапускаў памылкі ў сваёй палітычнай дзейнасці, быў упартым у адстойванні сваёй пазіцыі і поглядаў. Аднак палітычная мэтазгоднасць яго тых або іншых учынкаў выяўлялася ў жаданні хутчэй адрадзіць беларускую дзяржаўнасць, культуру, усё тое, што звязана з самабытнасцю і самім існаваннем беларускага народа.

Жыццё народнага паэта, акадэміка, выдатнага палітычнага і грамадскага дзеяча нельга назваць лёгкім. Менавіта ў сілу сваёй гарачай прыхільнасці да ўсяго таго, што ўключалася ў паняцце нацыянальнага фактару, ён часцей за іншых апынаўся пад агнём крытыкі так званага сталінскага падыходу да вырашэння нацыянальнага пытання.

¹ Жылуновіч Д. Ф. // Польша. 1926. № 6. С. 80.

² Ён жа // Беларусь (нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху). Мн., 1924. С. 184.

³ Гл.: Турук Ф. Беларускі рух. М., 1921. С. 86.

⁴ Жылуновіч Д. Ф. // Польша. 1923. № 5—6. С. 146.

⁵ Там жа. 1928. № 10. С. 76.

⁶ Турук Ф. Беларускі рух. С. 34.

⁷ Кнорын В. Рэвалюцыя і контррэвалюцыя ў Беларусі. Ч. 1. Смаленск, 1920. С. 64.

⁸ Жылуновіч Д. Ф. // Польша. 1923. № 3—4. С. 71.

⁹ НАРБ. Ф. 15, воп. 28, спр. 10, арк. 9.

Э. М. ЗАГОРУЛЬСКИЙ

ПРОВЕРКА ОДНОЙ ИЗ ГИПОТЕЗ НАЧАЛА СЛАВЯН

Еще в 70-х гг. мной была предложена идея о начале славянского этногенеза в середине III тыс. до н. э. в ареале между Эльбой и Неманом. В качестве первой славянской археологической культуры я взял культуру шаровидных амфор¹. Хотя эта идея основана на данных лингвистики, археологии и антропологии, она, как и любая другая гипотеза, должна периодически пересматриваться через призму различных источников, имеющих отношение к славянскому этногенезу.

Касааясь теоретических аспектов славянского этногенеза, археология и лингвистика согласны с тем, что славяне, как и балты, и германцы, всего вероятней, сформировались под действием этнического субстрата в процессе миксации индоевропейцев с местным неолитическим населением Европы, приведшей к глубокой трансформации этнических компонентов будущих славян. Лингвисты полагают, что разделение северной группы древнеевропейцев началось вскоре после их здешнего расселения².

Исходя из этих посылок, следует признать, что первая археологическая культура славян должна была отразить все эти особенности своего формирования. Ее существование должно приходиться на период, когда в этот регион уже проникли индоевропейцы, а в ее характеристике должны присутствовать культурные элементы, характерные как для индоевропейцев, так и для местных культур европейского неолита, т. е. она должна отразить факт культурного и этнического смешения. Этим условиям полностью соответствует культура шаровидных амфор. Ей предшествовала местная доиндоевропейская культура воронковидных кубков, а сама она представляла поразительное смешение как элементов культуры воронковидных кубков, так и черт, свойственных индоевропейским мигрантам из южных степей Восточной Европы. Не случайно многим археологам культура шаровидных амфор представлялась загадкой («великая загадка европейского неолита», по И. Форссандеру). Хотя археологи и спорили, чему ближе она — культуре воронковидных кубков или культурам шнуровой керамики, думается, что это не столь уж важно. Культура просто оказалась смешанной, и в ее становлении приняли участие как местные племена с культурой воронковидных кубков, так и пришлые племена индоевропейцев. Это была действительно первая по времени археологическая культура, четко отразившая процесс мик-

сации, что и привело, как нам представляется, к появлению новой этнической общности — славян.

Однако мысль о параллельном формировании славян, балтов и германцев на базе северной группы индоевропейцев и местных субстратов, казалось бы, противоречит одному важному наблюдению лингвистики. Чем, в частности, можно объяснить тот факт, что при реконструкции древние балтийские языки отличаются большей по сравнению со славянскими диалектной дифференцированностью? Именно этому аргументу обязана идея о более позднем по сравнению с балтами появлении славян³.

Но разве только большей древностью балтийских языков можно объяснять этот факт? Вспомним археологическую ситуацию в Восточной Европе в конце III — начале II тыс. до н. э. Именно в это время началось широкое расселение балтийских племен из их сравнительно небольшой прародины в среднем Поднепровье, которое вскоре привело к освоению ими обширных пространств от Вислы на западе до Волги на востоке⁴. На этой территории ранее проживали различные группы местного населения, с которыми балты постепенно стали сливаться. Подобная ситуация должна была обязательно привести к нарушению относительного языкового единства балтов и появлению у них диалектов, о чем в свое время справедливо писал Мажюлис⁵.

У славян же, если их локализовать в междуречье Эльба-Неман, наоборот, имело место значительное сокращение их территории. Сначала ими была утрачена территория между Вислой и Неманом, затем с продвижением во II тыс. до н. э. германских племен, носителей ясторфской культуры, вдоль южного побережья Балтики славяне были отрезаны от моря. Их территория стала более компактной, что способствовало более длительному сохранению у них относительного языкового единства.

Следовательно, исторические обстоятельства, а не различия во времени возникновения могут объяснить нам различную степень диалектной расчлененности древних балтийского и славянского языков. И, видимо, не случайно в балтийском мире в бронзовом и особенно в железном веке фиксируется серия достаточно сильно различающихся друг от друга археологических культур, заметно отражающих этнокультурные процессы смешения.

Напомню и еще об одной истории, связанной с западными балтами. Как отмечалось, междуречье Вислы и Немана, составлявшее первоначально, согласно нашей концепции, часть славянской прародины, в начале II тыс. вошло в зону расселения балтийских племен, которые в процессе этнических взаимоотношений смогли одержать верх над обитавшими здесь потомками культуры шаровидных амфор. Историческое время застает позже в этом регионе западнобалтийские народы — пруссов и ятвягов. Различные исследователи единодушно отмечали, что западные балты по своему языку и ряду явлений культурного порядка обнаруживают особенно заметную близость к славянам. Думается, что это обстоятельство вполне может быть объяснено имевшим место смешением в этом регионе части балтов и славян, которое может быть соотнесено как раз с указанными событиями II тыс. до н. э. Косвенно это могло бы стать еще одним подтверждением славянского характера культуры шаровидных амфор. Объяснять это обычными пограничными контактами представляется неубедительным. Интересно напомнить, что именно этот регион, отличавшийся смешанным характером в культурно-историческом плане, отводился рядом исследователей так называемым балтославянам⁶.

И, наконец, лингвистика дает достаточно материала, свидетельствующего о большой древности славянских языков. По мнению авторитетнейших специалистов, общеславянский язык непосредственно выходит из индоевропейского, он есть результат распада индоевропейской языковой общности. Сумма слов и понятий, относящихся к экономике, орудиям труда, свидетельствует о функционировании общеславянского языка в период перехода от каменных орудий к металлическим и развития производящих форм хозяйства. Славяне возникли уже в тот период, когда небольшая семья еще не стала основной хозяйственной и общественной ячейкой⁷. Все это уводит нас к концу неолита — началу бронзового века и отнюдь не противоречит представлению о славянском характере культуры шаровидных амфор.

Мы уделили значительное внимание рассмотрению теоретических аспектов славянского этногенеза, в частности, формулированию причин, которые привели к появлению славян, а также установлению форм этногенетического процесса, через которые они прошли. Рассмотрели вопрос о вероятном времени появления славян по данным лингвистики. Соображения о теории славянского этногенеза и данные лингвистики должны рассматриваться как основополагающие для формулирования гипотезы о начале славянского этногенеза. Данные археологии

здесь вторичны. Одни они не могут решить этой проблемы по ряду причин: слишком удален рассматриваемый период от достоверных славянских археологических древностей, что не позволяет использовать метод ретроспекции, проблематична также сама возможность определения этносов только по археологическим источникам. Однако археология, опираясь на достижения лингвистики, может вывести проблему на новый виток, указать точные ареалы, хронологию, исследовать материальную культуру и т. д.

Посмотрим, насколько же допустима предложенная гипотеза с позиций археологии. Если исходить из высказанного предположения о славянской прародине к северу от Карпат, между Эльбой и Неманом, то важно проверить несколько моментов: существует ли в этом регионе преемственность между археологическими культурами и не было ли сюда притока новых культур со стороны. Иными словами: не было ли миграций, которые могли бы существенно изменить этническую ситуацию в регионе? Если посмотреть на проблему с этой стороны, то нужно заметить, что в пределах рассматриваемого региона, начиная с середины III тыс. до н. э., когда сформировалась культура шаровидных амфор, наблюдается вполне естественная смена археологических культур. Однако почти каждая новая обнаруживает заметные черты преемственности со своей предшественницей, что может рассматриваться в качестве доказательства участия предшествующего этноса в формировании новых последующих культур. Так, культура шаровидных амфор ко II тыс. до н. э. уступила свое место предлужицкой и тишинской культурам. В середине — второй половине этого же тысячелетия на базе названных культур развивается лужицкая (XIII—VI вв. до н. э.). На заключительном этапе своего существования она испытала известное воздействие со стороны поморской культуры, но скорей всего смогла сохранить свой этнос, поскольку в последующее время на этой же территории разовьется пшеворская культура железного века.

Середина I тыс. н. э. застаёт здесь уже достоверную славянскую культуру пражского типа. Исторические источники этого времени зафиксировали начало широкого расселения славянских племен в Европе, проникновение их на Балканский полуостров и т. д. Именно в это время носители культуры пражского типа продвинулись также на восток и заняли территорию южной Белоруссии и северной Украины, где вскоре сформировался особый вариант этой культуры (Корчак)⁸.

Тот факт, что в рассматриваемом регионе до начала расселения мы наблюдаем серию культур, не выходящих за рамки очерченной территории и обнаруживающих между собой элементы преемственности, позволяет заключить, что данная гипотеза находит подтверждение в археологическом материале. Совпадение ареалов культур справедливо рассматривается в археологической науке как аргумент в пользу их генетической преемственности⁹. Но я далек от упрощенной интерпретации археологического материала. Вопрос о генезисе и преемственности археологических культур всегда считался наиболее сложным и дискуссионным. Полагаю, что этот аспект нуждается в дальнейшем тщательных исследованиях.

Нуждается в объяснении и гидронимическая ситуация региона, который мы связываем со славянской прародиной. Славянская гидронимика составляет здесь от 60 до 70 %¹⁰. Это обстоятельство, с точки зрения современных представлений о процессе формирования гидронимического ареала, должно указывать на то, что рассматриваемая территория, скорей, может быть признана областью ранней славянской миграции, а сама их прародина должна находиться где-то рядом с этим ареалом. Но иного региона, куда бы можно было поместить славянскую прародину, я не вижу.

Если славяне не были мигрантами из других регионов, то, по идее, они должны были пользоваться теми речными названиями, которые существовали здесь и раньше. Чем же в таком случае объяснить возникновение мощнейшего славянского гидронимического пласта, превосходящего по своей силе все остальные вместе взятые?

Возможно, объяснение этому следует искать в подвижности славянского населения, в наличии значительных переселений внутри славянского региона. Указания на такую возможность, в принципе, можно найти. Сложней обосновать все это археологически, на конкретных примерах, которые подтверждали бы смену археологических культур или заметные трансформации внутри них. Так, можно предположить, что экспансия германских племен в северные районы славянской прародины во II тыс. до н. э. могла вызвать отток значительной массы славян к югу и изменения в связи с этим в гидронимической номенклатуре. Известный приток славянского населения мог иметь место и с востока, с висланского региона, в результате расселения там в начале II тыс. до н. э. древних балтийских племен. Хотя материалы, казалось бы, больше указывают на то, что

основная масса славян осталась там на своих землях и была постепенно балтизирована. Не исключая я и значительных перемещений славян в результате расселения в восточнолужицком ареале поморских племен, а позже — повторное возвращение сюда славян. Следует подумать также о возможных перемещениях в славянском мире в результате давления со стороны кельтов, гуннов и аваров: Последующая славянская экспансия в I тыс. н. э. тоже могла привести к изменениям в гидронимической карте и возникновению на ней новых славянских названий. Наконец, не могла ли усилиться мощь славянской гидронимики в результате очень длительного пребывания здесь славян (более трех тысяч лет)? Изменения в номенклатуре, наверное, не могли не происходить.

Во всяком случае, я считаю глубоко ошибочным и тенденциозным традиционное представление, согласно которому на территории средней и восточной Германии славяне являются поздними пришельцами, что им предшествовали здесь древние германские племена, покинувшие эту территорию в период «великого переселения народов». Лингвистика убедительно свидетельствует, что славянская топонимика здесь более древняя, чем германская. Это особенно заметно при сравнении микро- и макротопонимики данного региона¹¹.

¹ См.: Загорульский Э. М. О начальном этапе формирования славян // Вестн. БГУ. Сер. 3. 1975. № 2; Он же. Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.). Мн., 1977.

² См.: Горнунг Б. В. // Вопросы этнографии. М., 1958. Т. 7. С. 57.

³ См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958. С. 37—39; Мартынов В. В. Лингвистические методы обоснования гипотезы о висло-одрской прародине славян. Мн., 1963.

⁴ См.: Моора Х. А. // Советская археология. 1958. № 2.

⁵ См.: Мажюлис В. Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. М., 1964.

⁶ См.: Hensel W. // I Miedzynar. kongres archeol. slowianskiej. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1968. № 1. S. 76 (Carte).

⁷ См.: Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962; Он же. Происхождение русского, белорусского и украинского языков. Л., 1972: С. 29; Мейе Ф. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 101; Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 24; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966, С. 73.

⁸ См.: Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976.

⁹ См.: Рыбаков Б. А. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978.

¹⁰ См.: Witkowski T. // Forschungen und Fortschritte. Berlin, 1963. N. 37. № 5. S. 152.

¹¹ Там же.

А. Г. ГАНУШ

АРХЕАГРАФІЧНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ М. В. ДОЎНАР-ЗАПОЛЬСКАГА

Беларускі гісторык Мітрафан Віктаравіч Доўнар-Запольскі (1867—1934) пакінуў значны след у айчынай гістарыяграфіі. Вынікам яго надзвычай разнастайнай навуковай дзейнасці стала выданне больш за 200 прац па этнаграфіі, сацыяльна-эканамічнай і палітычнай гісторыі Беларусі, Расіі, Украіны, Літвы і Польшчы. На жаль, даследчыкі абыйшлі ўвагай многія бакі творчай спадчыны таленавітага вучонага. Недастаткова выяўленай з'яўляецца і дзейнасць М. В. Доўнар-Запольскага як археографа.

Асноўным напрамкам археаграфічнай дзейнасці М. В. Доўнар-Запольскага былі пошук і выданне гістарычных крыніц. Свой першы зборнік «Документы Московскаго архива Министерства юстиции» М. В. Доўнар-Запольскі апублікаваў у 1897 г. у Маскве. У гэта выданне былі ўключаны матэрыялы аб Віленскім, Берасцейскім, Гародненскім і Люблінскім сеймах, крыніцы па гісторыі службылага землеўладання, эканамічнага становішча сялян і гараджан у Вялікім княстве Літоўскім (ВКЛ).

У 1898—1905 гг. у якасці асобных выданняў або дадаткаў да сваіх прац М. В. Доўнар-Запольскі апублікаваў шэраг дакументаў (у асноўным са збору Літоўскай Метрыкі), распавядаючых аб знешнепалітычных зносінах, эканамічных сувязях і гаспадарчым укладзе ВКЛ у XIV—XVI стст. Так, у 1898 г. у Сімферопалі быў апублікаваны зборнік «Литовские упоминки татарским ордам», у якім была цалкам выдана скарбовая кніга 1506—1509 гг. У 1899 г. у Маскве ўбачыў свет зборнік «Акты Литовско-Русского государства», у склад якога ўвайшлі матэ-